

Е Муюй чувствовала, что ее мысли становятся все более и более простыми.

Порезав сладкий картофель на кусочки и помыв его, Чу Хэн вернулся с несколькими кусочками имбиря в руках.

Е Муюй взяла его и собиралась разрезать на куски.

Чу Хэн напомнил: «Не кладите слишком много. Каждое лекарство на 30% ядовито. Все, что заходит слишком далеко, так же плохо, как и нехватка».

Е Муюй не опровергла. Хотя имбирь имел не только медицинскую ценность, в эту эпоху было невозможно проводить специальные эксперименты. Естественно, «Компендиум Материя Медика» стал единственным стандартом.

Более того, Чу Хэн не ошибся, поэтому Е Муюй, естественно, послушалась.

Она нарезала немного имбиря и добавила его, чтобы отрегулировать вкус.

Затем Е Муюй вскипятила воду, чтобы сварить суп с фрикадельками.

Чу Хэн не стал больше задерживаться. Он вышел из кухни и направился в западное крыло, чтобы оценить Чу Джина.

«Прочти «Тысячеиероглифическое письмо»». Чу Хэн сел на табурет, взял книгу и попросил Чу Цзинь запомнить ее.

Чу Джин запнулся, произнося слова, и Чу Хэн тут же нахмурился.

Возможно, из-за страха Чу Джин смог прочесть первую половину книги, хотя его декламация была не совсем гладкой.

Чу Хэн снова проверил его почерк и заметил, что в конце он был вполне хорошо. Он больше не стал его ругать. Он убрал скопированную бумагу и протянул ее ему. «Это бумага, которую ты использовал».

Чу Джин быстро это принял. Если бы это была его предыдущая личность, ему бы точно было все равно.

Однако боль от копирования текстов сегодня была слишком глубокой. Он боялся, что его снова накажут за копирование текстов, если он допустит ошибку, поэтому он быстро нашел деревянную коробку и положил бумагу внутрь.

Увидев это, Чу Хэн начал объяснять ему значение слов «бумага», «тушь», «кисть» и «тушечница».

«Если человек богат, а небо умно, весна проникнет в волосы бумажной шелковицы».

«Это стихотворение было упомянуто известным поэтом Су Ши в «Книге сломанных ветвей, нарисованных королем Шу Яньлином»».

«Ученым необходимо полагаться на кисть, чернила, бумагу и тушечницу, чтобы достичь своих достижений. Естественно, мы не можем относиться к ним небрежно. Хотя вы еще молоды, вы должны понимать принцип бережного отношения к кисти, чернилам, бумаге и тушечнице».

«Отец, я буду лелеять их». Чу Джин действительно не принимал их близко к сердцу раньше. Он был в том возрасте, когда он был игривым, и мадам Е обычно души в нем не чаяла, поэтому он вообще не думал об этом.

Теперь, когда Чу Хэн конкретно упомянул ему об этом, ему было трудно не знать.

Дети все еще боялись взрослых.

Хотя Чу Джин не понимал смысла учёбы, и он был не в том возрасте, когда ему следует думать о больших вещах в жизни. Он не осмелился тратить свои деньги или отступить от своих слов под строгим руководством Чу Хэна.

Поговорив некоторое время с сыном, Чу Хэн внезапно вспомнил, что Е Муюй хотела учиться.

Он обернулся и увидел Чу Цзылуо, прислонившейся к окну и внимательно слушавшей их.

Он махнул рукой и позвал ее.

«Иди и садись».

Чу Цзылуо не посмела сопротивляться. Она быстро подошла и села на табурет. Она опустила голову и не посмела взглянуть на Чу Хэна.

«Цзылуо, ты тоже хочешь учиться?» — спросил Чу Хэн.

«Учиться?» Чу Цзылуо была ошеломлена. Она не ожидала, что будет вовлечена в такое дорогостоящее дело. Думая о том, как все стремятся к образованию, Чу Цзылуо нервно спросила: «Отец, а можно мне тоже учиться?»

«Но все говорят, что девочкам не нужно учиться».

«Если мой младший брат будет учиться, а мой отец будет учиться и станет высокопоставленным чиновником, то мы с мамой сможем прожить хорошую жизнь в будущем. На самом деле, я думаю, что наша жизнь уже сейчас очень хороша».

Глядя на благоразумный вид своей дочери, Чу Хэн не мог не подумать о том, что она была замешана в деле мадам Е в его прошлой жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/115447/4548623>